

Институт родства: социально-правовые измерения и практики репрезентации

Научный руководитель – Мартынова Евгения Васильевна

Кумицкая Ирина Радионовна

Студент (магистр)

Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: irinakumiitskaya@gmail.com

В современном российском научном дискурсе крайне актуализировались вопросы, связанные с родственными отношениями. Разнообразие практик репрезентации и правовые коллизии института родства создают предпосылки для пересмотра ролевых и статусных позиций в родственных отношениях и конкретизации правовых норм.

Одна из базовых функций института родства - забота о детях. Реализуется она через права и обязанности родителей, то есть инструменты, которыми общество и государство наделяет родителей, чтобы те обеспечивали выживание детей. Права родителей — это функциональная власть родителя, его возможность влияния на воспитание ребенка, но не власть над ребенком, а привилегия. Обязанности — это материализация заботы в действиях, которые можно оценить, на которые можно повлиять и регулировать. Через родительские права и обязанности человек обретает активную социальную роль. Функция заботы обретает конкретные универсальные нормативные категории: права дают возможность создавать условия для здорового развития ребенка, обязанности — гарантированный минимум для выживания ребенка. Так забота перестает быть абстрактной.

Однако формальное закрепление прав родителя не дает полного представления о том, как права и обязанности реализуются в повседневной жизни. Явным показателем этого взаимодействия является репрезентация. Одним из наиболее показательных элементов проявлений прав родителей являются обращения, которые приемные родители используют по отношению к детям. Для того чтобы выявить, преодолевается ли данная дихотомия («свой — чужой», «родной — приемный») в реальной жизни, необходимо обратиться к источникам личного происхождения. Если юридический статус предписывает родителю определенные обязанности, то выбор обращений к детям фиксирует факт реализации родительской идентичности.

Мы проанализировали 21 дневник приемных родителей и один дневник приемного ребенка [1]. В большей части дневников приемные родители разделяли кровных и приемных детей, но только в контексте рассказа о факте замещающего родительства, так как тексты рассказывают об опыте замещающего родительства. Дневники были проанализированы и по двум аспектам родства: юридическому и эмоциональному.

1. Наблюдается несколько вариантов начала рассказа о приемных детях: сначала родители могут не давать характеристику родства с детьми, а потом аккуратно вводить словесное разделение.

2. Наблюдается тенденция разделять детей по возрасту, а не родству.

3. Приемных детей в некоторых дневниках не описывают в терминах родства, чаще всего используются имена или обращения: мальчик, девочка, дети, ребенок.

4. В части дневников приемные родители избегают термина «приемные», в отношении всех детей используются слова «сын» и «дочь».

5. Нередки случаи синонимичного использования терминов родства (сын, дочь) и «воспитанники».

6. В одном из дневников приемная мама поделилась словосочетанием, которое семья использует в отношении приемных детей: «рожденные сердцем», а кровные «рожденные из живота».

7. В отношении детей могут использовать слова: «солнышко», «друг», «комочек счастья», «новая дочка/сын», «маленькое чудо», «любимый и родной человек»

8. Первого приемного ребенка могут называть просто «первым ребенком/девочкой/мальчиком» при том, что на момент взятия ребенка в семье уже были кровные дети.

9. Кровных родителей могут также называть по-разному: могут не называть родителями, либо же использовать термины кровного родства. В одном из дневников автор использует такие фразы: «Татьяна, которая родила моих детей», «родители наших детей». Здесь снова прослеживается нехватка и скудность терминологии современного языка.

10. Приемные и усыновленные дети всегда являются частью семьи.

Нами были выделены следующие семантические единицы: с корнем «род» в т.ч. «рожденный» (168 раз), «семья» (283 раза), «приемный/ые» (72 раза), «забота (13 раз), «воспитание» (14 раз), «счастье» (14 раз), «мой» (в отношении детей) (12 раз), «наш» (в отношении детей) (78 раз). Здесь прослеживается количественная связь между словами «семья» и «наш», в контексте рассказа о приемных и усыновленных детях как о родных, членах семьи.

Нами также было проведено интервью с сотрудниками учреждений, работающими с семьями и детьми, которое показало, что в российской социально-правовой практике существует проблема в использовании нормы – согласие родителей на усыновление. Специалисты фиксируют нарушения прав детей в этой сфере, что требует конкретизации и коррекции в репрезентациях и правоприменительных практиках.

Источники и литература

- 1) «Неправильный аист» и другие наши истории: Книга дневников приёмных семей / Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — 344 с. (20.04.2025).